

Глава 15. Отцовский урок

У Нин Сянлана похолодело внутри.

Нин Аньго редко выходил из себя, но это вовсе не означало, что он не умел злиться.

Мальчик покорно подошел к нему.

— Присаживайся, — ровным, спокойным тоном произнес Нин Аньго.

Они сели друг против друга.

— Рассказывай, где ты был и чем занимался, — потребовал отец.

Сянлан понимал, что Толстяк Су не станет юлить перед взрослыми и выложит все как есть. Поэтому, слегка «приукрасив» историю для пущей убедительности, он честно во всем сознался.

Нин Аньго слушал молча, не проронив ни слова, и от этого молчания Сянлану становилось все более не по себе. Тревога ледяными тисками сжимала грудь, а голос мальчика становился все тише и неувереннее.

Глядя на поникшего сына, отец немного смягчился — покорность мальчика умерила его гнев.

— Подними голову, — негромко произнес он. — Не прячь лицо.

— Папа, я виноват, — искренне раскаялся Сянлан.

— Раз понимаешь, что виноват, давай разберем твои ошибки, — тон отца стал еще мягче. — Начнем с малого. Что ты обязан сделать перед тем, как уйти из дома?

— Предупредить тебя и маму, — тихо ответил мальчик.

— Верно. Что еще?

— Я не должен был подбивать на это... — Сянлан едва не ляпнул «Толстяка», но вовремя исправился: — ... Су Шэна и уводить его с собой.

— Продолжай.

— Не надо было строить из себя великого знатока. Нахватался верхушек у дедушки и решил, что мне все дозволено, пошел хвастаться...

— Ишь ты, как глубоко копнул, — хмыкнул отец. — Ну давай, что там дальше?

Сянлан готов был взвыть от досады. Какая же это пытка — самому себе обвинения предъявлять!

Но под суровым взглядом отца пришлось сцепить зубы и упрямо, по пунктам разбирать каждую свою оплошность.

Этот жесткий разбор полетов мигом выветрил из головы остатки легкомыслия. Вроде бы мелочь, обычная детская шалость, но сколько же глупых промахов он совершил! Ладно бы обычный ребенок, но ведь он-то считает себя взрослым человеком. Как можно было вести себя настолько беспечно?

Мальчик притих, устыдившись собственных мыслей.

— Осознал? — спросил Нин Аньго.

Сянлан молча кивнул.

— Тогда иди в кабинет и принеси линейку.

Сянлан послушно шмыгнул в отцовский кабинет, нашел на письменном столе тяжелую деревянную линейку, лежавшую поверх рукописей, и принес ее в гостиную.

Отец взял линейку из его рук.

— Раз уж ты сам насчитал за собой ровно десять проступков, то и ударов по ладони будет десять. Все справедливо?

— Да... — едва слышно прошептал Сянлан.

— Протяни руку.

Сянлан послушно вытянул ладонь.

Отец поблажек делать не стал. Удары сыпались один за другим — не слишком жестокие, но достаточно веские. Нежная детская кожа мгновенно вспыхнула пунцовым, а в глазах мальчика предательски заблестели слезы.

Сердце у Нин Аньго тоже было не каменным. С каждым ударом он невольно ослаблял замах, так что десятый раз линейка лишь слегка коснулась покрасневшей кожи.

Стоило отцу отложить ее в сторону, как Сянлан, не выдержав, порывисто уткнулся ему в грудь.

Даже когда отец тяжело болел в его прошлой жизни, он умудрялся направлять его, оберегая от неверных шагов. Стоило Сянлану оступиться, как сильная отцовская рука мягко, но уверенно возвращала его на правильный путь.

Все эти годы он жил без оглядки, совершая безумства лишь потому, что твердо знал: за его спиной стоит семья — несокрушимая каменная стена.

Раз уж судьба подарила ему второй шанс, пора взрослеть. Нужно вытравить из души ту колючую, отчаянную злость, которая зародилась в нем тогда, когда отступить было уже некуда.

Теперь все изменилось. Он больше не одинок в этом мире.

Обожженная ладонь горела огнем, но сердце в груди колотилось так неистово и радостно, что перехватывало дыхание.

Именно сейчас он по-настоящему почувствовал: он жив!

Жив он, жив отец, жива мама. Не будет больше тех бесконечных, черных ночей, когда он лежал без сна, уставившись в потолок и моля о рассвете. Не будет пустого, холодного дома, где никто никогда не зажжет свет. Они снова вместе. Семья цела, и они счастливы.

Слезы сами собой покатались по его щекам.

Почувствовав, как взмокшая от слез детская макушка утыкается ему в рубашку, Нин Аньго ласково погладил сына по голове.

— Что, сильно болит? Ну поплачь, поплачь. Зато запомнишь урок на всю жизнь.

Сянлан лишь крепче обнял отца за шею, наплевав на ноющую боль в ладони.

Из кухни, привлеченная шумом, наконец вышла Ху Линцуй. Она давно стояла за дверью и теперь, улучив момент, укоризненно покачала головой, глядя на мужа поверх головы сына.

Услышав шаги матери, Сянлан поспешно вытер слезы об отцовское плечо и с виноватым видом переметнулся в ее объятия.

Заметив, что сын готовится пустить в ход свое главное оружие — детские ласки, Нин Аньго напустил на себя суровость:

— Ну-ка марш в постель! Время детское давно вышло, а ты еще колобродишь!

Увидев, как грозно нахмурился отец, Сянлан решил не искушать судьбу. Он мгновенно сорвался с места и шмыгнул в свою комнату, для верности щелкнув дверным замком.

Родители переглянулись и дружно рассмеялись — уж больно по-лиси у него это вышло.

— Я же просил тебя не вмешиваться, — с улыбкой упрекнул жену Нин Аньго. — Стоит тебе появиться, как этот бесенок тут же садится на шею.

— Да как тут усидишь? — вздохнула Линцуй. — Ты ведь мужчина, рука тяжелая, вдруг переборщил бы с наукой? Как материнскому сердцу быть спокойным?

— Думаешь, я собственного сына не жалею? — покачал головой муж. — Но спускать такое нельзя. Тут дело принципиальное, иначе он решит, что ему все сойдет с рук.

Жена спорить не стала. Воспитание — штука тонкая: упустишь сейчас, потом локти кусать будешь.

Она ласково коснулась его плеча:

— Ты ведь весь вечер пробегал, Сяо Лана искал. Снова за чертежи ночью сядешь? Опять спать не будешь?

Нин Аньго, который действительно планировал поработать допоздна, под строгим взглядом жены лишь виновато рассмеялся и притянул ее к себе:

— Ну как я могу послушаться моей дорогой надзирательницы? Идем спать, уговорила.

Впрочем, уже в начале четвертого утра Нин Аньго тихонько выскользнул из постели. Жена, спавшая чутко, проснулась от малейшего шороха. Застигнутый на месте преступления, муж лишь обезоруживающе улыбнулся:

— Кто рано ложится, тот рано встает, сама знаешь!

Линцуй лишь вздохнула в ответ и пошла на кухню кашеварить.

Сянлан тоже проснулся ни свет ни заря. К семи часам утра семейство уже закончило с

завтраком. Отец сверился с наручными часами и кивнул сыну:

— Собирайся, нам пора.

Мальчик без лишних вопросов поспешил за ним.

Заметив, что они держат путь в сторону Рынка цветов и птиц, Сянлан с любопытством спросил:

— Папа, а мы куда?

— Вчера ты допоздна пробыл в чужой лавке, да еще и до дома провожать тебя пришлось. Считаешь, не нужно отблагодарить хозяина? — резонно возразил отец.

— А-а, точно, — протянул Сянлан, но его внимание тут же привлекла пухлая папка, которую отец крепко прижимал локтем к боку. — Пап, а это что у тебя?

Нин Аньго весело щелкнул его по носу:

— И ничего-то от тебя не скроешь, глазастый какой! Ты вчера так расхваливал тамошнего старика, вот я и подумал: раз он такой знаток, может, подскажет что по нашему новому заказу? Мне его совет очень пригодился бы.

Сянлан смутно представлял себе текущие дела Первого завода, а потому заинтересовался:

— Что за заказ? Связан с древностями?

Отец никогда не отмахивался от расспросов сына, стараясь расширять его кругозор, поэтому скрывать ничего не стал:

— Вроде того. Северо-Западный музей заказал нам оборудование для экспертизы и реставрации артефактов. Сейчас на рынке столько фальшивок, методы подделки все изощреннее, так что без консультации с настоящим знатоком старины нам чертежи не утвердить.

В те годы приборная экспертиза в стране только закладывала свои основы. Проблема крылась в вечном разрыве: инженеры-приборостроители ничего не смыслили в искусстве, а искусствоведы и археологи боялись сложной техники. Чтобы подружить сухие графики с бесценными древностями, требовался комплексный подход и мост между двумя мирами.

У музея кое-какое импортное оборудование имелось, но работать на нем было сущим мучением. Вот они и обратились на Первый завод с просьбой доработать приборы под их

нужды. Денег этот контракт приносил немного, зато открывал двери в круги Археологической ассоциации Северо-Запада и музейных ведомств, что для завода было невероятно престижно.

Поскольку семья Линцуй была тесно связана с миром традиционных ремесел, эту задачу поручили именно Нин Аньго. Но стоило ему открыть техническое задание с ворохом капризных требований историков, как у него голова пошла кругом. Тест с тещей хоть и знали толк в обжиге глины, в микропроцессорах и спектрометрах не смыслили ровным счетом ничего.

Слова отца всколыхнули в памяти Сянлана важную деталь. Помнится, именно в этот год Старейшина Тан — Тан Юньяо — возглавил Археологическую ассоциацию Северо-Запада! В его прошлой жизни, когда Сянлан отчаянно пытался возродить производство в Хуцзявани, господин Тан проявил огромный интерес к этой «деревне керамики» и оказал ему неоценимую поддержку.

Неужели этот заказ для завода исходил лично от него?

Эта мысль заставила мальчика взбодриться. Раз уж в будущем Старейшина Тан сделает для него столько добра, то помочь ему сейчас — его прямой долг!

— О, тот дедушка в лавке точно разберется! — загорелся Сянлан. — Папа, пойдем скорее, я провожу!

Нин Аньго лишь усмехнулся, глядя на этот внезапный порыв. Короткая же память у этого сорванца — уже и думать забыл, как вчера за эти самые прогулки линейкой по рукам получил!

Потрепав сына по вихрам, он зашагал вслед за ним вглубь рынка.

Едва они подошли к заветной лавке, Сянлан заметил у входа рослого Дядю Немого. Тот затаскивал внутрь тяжелые корзины, наполненные какими-то иссиня-черными угловатыми кусками, похожими на обычный уголь.

Вырвав ладошку из отцовской руки, мальчик подскочил ближе:

— Дядя, это гагат?

Немой приветливо кивнул.

Сянлан засеменил за ним в лавку и, когда тяжелая корзина со стуком опустилась на пол, с любопытством спросил:

— А можно мне взглянуть поближе?

Гагат, или угольный янтарь, — удивительный поделочный камень, рожденный в глубинах угольных пластов. От природы невзрачный и матовый, после искусной огранки и полировки он приобретает глубокий, зеркальный смоляной блеск.

Стоил он недорого, а благодаря мягкости идеально подходил для начинающих резчиков по камню — на нем было очень удобно набивать руку.

Немой не стал возражать и протянул Сянлану небольшой осколок.

Нин Аньго, видя, как сын с головой ушел в разглядывание чужого товара, деликатно кашлянул, напоминая о приличиях.

Сянлан спохватился, бережно положил камень обратно и спросил:

— Дядя Немой, а дедушка у себя?

Нин Аньго тем временем вошел в лавку, поставил на прилавок принесенную в подарок корзину с фруктами и вежливо представился:

— Здравствуйте. Я отец Сяо Лана.

Мужчина жестом указал на улицу, давая понять, что хозяин ненадолго отлучился.

Но стоило ему договорить, как у дверей послышались шаги — вернулся Старейшина Чжу. Завидев вчерашнего гостя, да еще и со взрослым спутником, старик нахмурился:

— Снова ты? Что-то стряслось?

Голос его вновь звучал сухо и неприветливо.

— Дедушка Чжу, это мой папа! — затараторил Сянлан. — Он пришел с вами посоветоваться.

Старик недовольно отмахнулся:

— Посоветоваться? С чего это вдруг? Идите-ка своей дорогой, не до вас мне.

Несмотря на явную неприязнь хозяина, Нин Аньго не отступил. Шагнув вперед, он уважительно произнес:

— Здравствуйте, уважаемый. Мы к вам по делу. Наш завод сейчас модернизирует приборы для

экспертизы древностей, и нам крайне необходим совет человека, который знает толк в музейном деле.

Сянлан рядом преданно и умоляюще смотрел на старика широко распахнутыми глазами.

Поймав этот чистый, упрямый детский взгляд, старик Чжу против воли замялся. Слова отказа застряли у него в горле. Он помолчал, разглядывая мальчика, а затем медленно произнес:

— Ладно, помочь можно... — он ткнул сухим пальцем в сторону Сянлана. — Но с одним условием: одолжи мне этого мальчика на пару дней.

Сянлан от изумления даже рот приоткрыл.

— Что, не ожидал? — усмехнулся старик Чжу. — Ко мне тут на днях приедут несколько оболтусов из университета. Хочу показать им тебя, чтобы спесь с них сбить, пусть посмотрят, как соображает ребенок. Ну а если у самого душа лежит к нашему делу — могу и тебя кое-чему научить.

Сянлан едва не подпрыгнул от восторга. О такой удаче он не смел и мечтать!

Мальчик умоляюще уставился на отца, всем своим видом моля: «Соглашайся, ну пожалуйста!»

— Договорились, — улыбнулся Нин Аньго. — Только с условием: допоздна его не задерживать.

— Если засидимся — Немой лично доставит его к вашему порогу, — пообещал господин Чжу.

— Идет.

Уладив этот вопрос, Нин Аньго поспешил открыть свою папку и разложил на чайном столике эскизы и чертежи.

Старый мастер оказался настоящим зубром своего дела. Едва скользнув взглядом по бумагам, он с ходу обнаружил десяток слабых мест и конструктивных нелепостей. Не стеснясь в выражениях, старик разнес проект в пух и прах, камня на камне не оставив от некоторых инженерных решений, и лишь под конец снисходительно буркнул:

— Ну, в целом зерно истины тут есть. Направление верное. Переделай вот эти узлы, и будет толк.

"Кому из нас двоих нужнее соболезнования? — тоскливо подумал Сянлан. — Папе, которого только что смешали с грязью, или мне, ведь мне скоро предстоит терпеть его ворчание?"

Нин Аньго, далекий от тонкостей антикварного мира, значения фамилии не придавал. Он еще раз тепло поблагодарил хозяина:

— Благодарю вас, господин Чжу. Мне пора на завод, а этот сорванец...

— А я побуду здесь, помогу дедушке! — звонко перебил Сянлан.

Отец хотел было приструнить сына за излишнюю прыть, но с улицы вдруг донесся громкий, радостный возглас:

— Сяо Лан! Вот ты где, оказывается! А мы тебя дома обыскались!

<http://bllate.org/book/20435/2146369>